

“ВИЗАНТИЙСКОЕ СОДРУЖЕСТВО НАЦИЙ” В ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

(по материалам дипломатической переписки
между Византией и Мамлюкским султанатом в XIV в.)¹

28 июля 1402 года эмир Тимур Гурган (1370–1404), правитель самого могущественного в то время мусульманского государства, в битве при Анкаре разбил и пленил османского султана Баязида I Йылдырыма (1389–1402). После этого победоносный владыка Самарканда направился к Кютахье². Между тем старший сын Баязида I Сулейман Челеби (1403–1410), спасшийся с поля битвы, бежал в Бурсу. Он успел примчаться туда до подхода войск Тимура и, не теряя времени, направился в “Грецию” (т.е. на территорию Византийской империи)³. Прибыв в Константинополь, он явился к императору Иоанну VII Палеологу (старший император, Мануил II (1391–1425), в это время был во Франции) и на аудиенции, по свидетельству Дуки, «бросился василевсу в ноги и умолял его: “Я буду тебе вместо сына, ты же [да] будешь мне отцом; отныне нет между нами раздора⁴, и не будет интриг, только провозгласи меня правителем Фракии, а также и прочих земель, которые я унаследовал от своих предков”»⁵.

¹ Данная работа является дополненным и существенно расширенным вариантом моей прежней статьи на английском: *Korobeinikov D. Diplomatic Correspondence between Byzantium and the Mamlūk Sultanate in the Fourteenth Century // Al-Masāq. 2004. Vol. 16. P. 53–74.* При этом цели публикаций различны. Английский вариант по сути представляет собой комментированный перевод византийско-мамлюкской дипломатической переписки, по сию пору мало известной византиноведом. Я стремился главным образом ввести мои источники в научный оборот. Русская версия рассматривает эти письма уже в общем контексте византийской внешнеполитической доктрины, приведшей к такому историческому феномену как византийское содружество наций (the Byzantine Commonwealth), столь блистательно представленному Дмитрием Оболенским. История Византии и, в частности, история византийской дипломатии существенным образом связана с историей России, и любое исследование, посвященное the Byzantine Commonwealth, предполагает определенный ракурс, более близкий русскому читателю. В этой ситуации я не стал ограничиваться одним востоковедческим комментарием. Мой приятный долг – поблагодарить за помощь и консультации моих коллег и друзей из Оксфорда: д-ра М.Е. Мартина, д-ра Р. Реппа, д-ра Марию Курумали и д-ра Христоса Симелидиса.

² *Alexandrescu-Dersca M.M. La campagne de Timur en Anatolie (1402). L., 1977. P. 80–85.* После битвы Тимур опустошил Западную Анатолию, а затем осадил и взял Смирну (осада длилась месяц, со 2 декабря 1402 г. по 5 января 1403 г.). См.: *Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 59.*

³ *Relation de Gerardo Sagredo // Alexandrescu-Dersca M.M. La campagne de Timur en Anatolie... P. 129–130.*

⁴ О правомерности такого перевода см. Приложение I (будет опубликовано вместе со второй частью статьи).

⁵ *Ducas. Istoria Turco-Byzantină (1341–1462) / Ediție critică de V. Grecu. Bucharest, 1958. P. 111, ll. 18–21: ‘Εγὼ ἔσομαι σοι εἰς υἱόν, σὺ δὲ πατὴρ ἐμὸς ἔσῃ· καὶ ἀπὸ τοῦ νῦν ἐν μέσῳ ἡμῶν οὐ φύει ζιζάνιον· ἀλλ’ οὔτε σκάνδαλα ἔσονται, μόνον ἀναγόμευσόν με ἡγεμόνα Θράκης, ὅσην καὶ ἄλλην γῆν διὰ τῶν γονέων ἐλεκτήσάμην; Nicol D.M. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Camb., 1993. P. 319.*

То, что эта красочная сцена – не преувеличение историка, свидетельствует договор, который Сулейман заключил с Иоанном VII в январе–феврале 1403 г. Текст договора, который сохранился в переводе на староитальянский, гласит: “Я, Сулейман Челеби, султан, сын великого султана Баязида-императора, вместе с великим императором Иоанном (Калояном), императором греков, моим отцом, императором Палеологом и империей Константинополя... по доброй воле скрепили клятвой и заключили нерушимый мир...”⁶. Важно отметить, что оригинал договора, с которого и был сделан перевод, был на османском⁷, а не на греческом: это означает, что османская политическая доктрина, как и византийская, признала за Сулейманом Челеби статус “сына” императора⁸.

Между тем, если взглянуть на те земли, которые отошли Сулейману (а это была европейская часть Османского государства), нельзя не заметить,

⁶“Mi che sum Musulman Zalabi, soldan, fio del gran soldan Baysit imperador, dapuo che lo gran imperador Caloiani, imperador di Griesi, mio pare, Paleologo imperador e lo imperio de Constantinopoli.. havemo zurado et havemo fato verasia paxe cum bona voluntade...”: *Dennis G.T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // Orientalia Christiana Periodica. 1967. 33. P. 77–78 (2), 81; Barker J.W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): a Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969. P. 222–225.*

⁷*Dennis G.T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. P. 77 (1): “Copia pactorum pacis facte cum domino Musulman Zalabi, scripte in ydiomate turcho...” (“Копия мирного договора, заключенного с господином Сулейманом Челеби и записанного турецкими письменами...”).*

⁸Иная интерпретация выражения *miu pare* в тексте договора, равно как и других случаев признания сыновьями Баязида I “отцовства” императора, предложена Е.А. Захариadou. По ее мнению, османы даже в тех случаях, когда признавали старшинство императора, вкладывали в понятие “сын” совсем другое значение, чем то, которое подразумевали византийцы. Если для последних усыновление императором означало прежде всего политическое подчинение, то в османской практике обращение к кому-то как к отцу означало, как и в современном турецком языке, выражения почтения к годам или социальному статусу адресата: ведь называл же Мехмед II Фатих (1444–1446; 1451–1481) “отцом” и дожа Венеции, и великого магистра ордена госпитальеров на Родосе. *Zachariadou E.A. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottomans chronicles // Eadem. Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans. Aldershot, 2007 (Variorum Collected Studies Series). Article XI. P. 276. Not. 32.* На это можно заметить, что понятие условного “отцовства” широко бытовало и на мусульманском Востоке и часто подразумевало и политическую зависимость (как и его византийский эквивалент), и просто страшиство в силу возраста или почетного статуса, причем оба значения часто переплетались друг с другом. Наиболее яркий пример встретился мне в хронике ал-Насави под 1218 г., в которой рассказывается, что Чингисхан (1206–1227) прислал письмо хорезмшаху ‘Ала’ ал-Дину Мухаммаду (1200–1220), в котором угодил хорезмшаха “самому дорогому из моих сыновей” (в арабской передаче – *mīthl a‘azz awlādī*, в персидском варианте письма – “дорогой сын и лучший из мусульман”, *‘azīz farzandī va behtar kasī az muslimānān*). Возможно, что Чингисхан не имел намерения оскорбить и писал без всякой задней мысли. Он мог так обратиться, будучи, скорее всего, и старше хорезмшаха годами, и несомненно опытнее него политически (хорезмшаху досталась в наследство готовая страна, а Чингисхан, прежде чем стать ханом всех монголов, прошел через испытания, которые выпадают на долю далеко не каждого человека). Тем примечательнее реакция ‘Ала’ ал-Дина Мухаммада: “Кто же этот проклятый, чтобы обращаться ко мне как к сыну? Какова же численность имеющихся у него войск?”. Хорезмшах с порога отверг попытку Чингисхана трактовать взаимоотношения в “иерархическом” ключе (как между отцом и сыном) и, как мусульманин, даже счел оскорбительным такое обращение со стороны язычника. *Shihāb al-Dīn Muḥammad al-Nasawī. Sīrat al-sultān Jalāl al-Dīn Mankburnī (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурни) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М. 1996. С. 41 (С. 73 рус. перевода); Rashīd al-Dīn. Jāmi‘ al-tawārīkh / Ed. M. Rawshan, M. Mūsawī. Vol. 1–4. Tehran, 1994. T. 1. P. 473, ll. 18–19; Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса, Л.А. Хетагурова, О.И. Смирновой, Ю.П. Верховского. В 3-х тт. М.; Л., 1946–1960. Т. I. Кн. 2. С. 188.*

что даже после битвы при Анкаре держава османов, разделенная и униженная, все равно оставалась первоклассной военной силой, по крайней мере на Балканах. Сам Сулейман был владыкой Фракии, Болгарии, Фессалии, Македонии и части Эпира и Сербии. Византия практически ничего не могла противопоставить этому, кроме Константинополя с окрестностями, Морейского деспотата в Пелопоннесе и нескольких островов в Эгейском море. Сулейман вернул империи Фессалонику, Месемврию и ряд других портов на черноморском побережье Балкан, острова Скопелос, Скирос и Скиатос в Северных Спорадах, а также несколько крепостей на азиатском берегу Босфора⁹. Даже при этих приобретениях угасавшая Византия не могла и мечтать о той мощи, которой обладали османы.

Таким образом, инициатива старшего сына Баязида I не может быть объяснена одним военно-политическим балансом сил. Вне всякого сомнения, могущество османов сильно уменьшилось после анкарской катастрофы, но не до такой же степени, чтобы наследнику султана, наводившего ужас на христианский мир, ничего не оставалось, как валяться в ногах у византийского императора. Напротив, Сулейман, если верить тексту договора, по собственной инициативе добровольно пошел на то, чтобы стать “сыном” Иоанна VII (а также Мануила II¹⁰). Речь идет о том, что император обладал существенным авторитетом в глазах не только христианских, но также мусульманских подданных Сулеймана Челеби. В раннем Османском государстве не было четкого определенного закона о престолонаследии, и после смерти султана старший сын имел только моральное преимущество перед младшими¹¹. В этой ситуации покровительство империи давало Сулейману дополнительные очки в борьбе с его младшими братьями, Исой, Мехмедом и Мусой¹². Более того, когда сын Баязида I султан Мехмед I (1413–1421) победил соперников и

⁹ Dennis G.T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. P. 78 (3), cp.: *Ducas. Istoría Turco-Byzantiná...* P. 111, 1.21–113, 1.4. См. также: *Bakalopoulos A. Les limites de l'Empire Byzantine depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55. S. 56–65; Zachariadou E.A. Süleyman Çelebi...* P. 277–279.

¹⁰ *Barker J.W. Manuel II Palaeologus...* P. 223; *Zachariadou E.A. Süleyman Çelebi...* P. 271, 274–277.

¹¹ *Inalcik H. Mehmed I // The Encyclopaedia of Islam, New Edition. Vol. I–II. Leiden; London, 1960–2002. Vol. VI. P. 974.*

¹² *Laonicos Chalcocondylas. Historiarum demonstrationes / Ed. E. Darcó. Vol. I–II/ Budapest, 1922–1924. Vol. I. P. 159–165; Ducas. Istoría Turco-Byzantiná...* P. 113, ll. 18–26; *Die altosmanische Chronik des 'Āšīkpašazāde, auf grund mehrerer neuentdeckter Handschriften von neuem herausgegeben von F. Giese. Osnabrück, 1972. P. 72–74; Şükrüllah Zaki. Der Abschnitt über die Osmanen in Şükrüllah's persischer Universalgeschichte, herausgg. und übersetzt von T. Seif // Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte. Bd. I–III. Hannover, 1925. Bd. II. P. 102–105; Die Frühosmanischen Jahrbücher des *Urudsch*. Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausgegeben und eingeleitet von F. Babinger. Hannover, 1925. P. 37–39; Die altosmanischen anonymen Chroniken. *Tevārīh-i āl-i Osmān in Text und Übersetzung / Ed. F. Giese. Breslau; Leipzig, 1922–1925. Teil I: Text. P. 47–49; Teil II: Übersetzung. P. 64–67; Жуков К.А. Эгейские эмираты... P. 62–63. О Мусе, вступившем в борьбу за престол в 1406 г., см.: *Chalcocondylas. Historiarum demonstrationes. T. I. P. 160, 1.6–172, 1.19; Ducas. Istoría Turco-Byzantiná...* P. 123, ll. 1–12; *Mehmed Neşri. Kitāb-ı Cihan-nümā (Neşri Tarihi) / Ed. F.R. Unat, M.A. Köymen. Vol. I–II. Ankara, 1987. Vol. II. P. 472–477; Inalcik H. Mehmed I. P. 974–975. О других сыновьях Баязида I, Мустафе и Юсуфе (который бежал в Константинополь и там крестился под именем Дмитрий и которого Халкокондил называет “младшим Исой”, Ἰησοῦς ὁ νεώτερος), см.: *Жуков К.А. Эгейские эмираты... P. 152. Примеч. 93.****

наконец объединил все земли османов как на Балканах, так и в Малой Азии, он тем не менее продолжал называть себя “сыном” Мануила II¹³, хотя особой политической необходимости, за исключением личной симпатии, существовавшей между этими выдающимися правителями, уже не было. Вопрос, таким образом, остается открытым: каким же престижем обладал император Византии в глазах мусульман?

Четырнадцатый век часто справедливо оценивают как самый катастрофичный период в истории Византийской империи, пережившей две гражданские войны (в 1321–1328 и 1341–1354 гг.) и потерявшей практически всю свою оставшуюся территорию¹⁴. Тем не менее, как справедливо заметил Икономидис, “самым необычным является то, что в XIV в., несмотря на свою все возрастающую слабость, Византия продолжала действовать, как будто она все еще была великой державой прошлого. Более того, – и этот факт еще интереснее – другие державы, как кажется, стремились игнорировать реальность и наделяли византийского императора особым статусом: он продолжал рассматриваться как император *par excellence*, как глава государства, которое было стержнем европейской политики в предшествующие века”¹⁵. Икономидис воспроизвел точку зрения западных христианских держав на Византию в XIV в.; но что касается мусульманского Востока, то там отношение к умирившей империи претерпело более радикальные изменения.

Это вполне показывают данные дипломатической переписки, точнее, той ее части, которая включала в себя обращения, принятые в корреспонденции между императорами и правителями земель ислама. Как известно, традиционный титул императоров Византии, оставшийся неизменным до самого падения империи, был “во Христе Боге верный василевс и автократор ромеев” (ἐν Χριστῷ Θεῷ πλοτὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων)¹⁶. Письмо, отправленное эмиром, шахом или султаном в Константинополь, неизменно включало в себя соответствующее обращение, или *inscriptio* (в восточной терминологии – *alqāb*), к императору, включавшее в себя имя и титулы адресата¹⁷. При этом мусульманские секретари, составлявшие письмо на арабском, персидском или даже османском, вовсе не были обязаны давать точный перевод императорского титула с греческого. Можно говорить только о приблизительном соответствии, в котором не малую роль играли традиционные представления о Византии, бытовавшие в той или иной стране ислама. Проблема состоит в том, что архивы, в которых могли сохраниться копии, и прежде всего архивы халифов в Дамаске и Багдаде, погибли, а те письма, которые все-таки попали на страницы хроник и иных исторических

¹³ Ducas. *Istoria Turco-Byzantină*... P. 129, ll. 20–22; 131, ll. 7–14; 133, ll. 13–18; Литаврин Г.Г., Медведев И.П. Дипломатия поздней Византии (XIII–XV вв.) // Культура Византии: XIII – первая половина XV в. / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1991. С. 357–358.

¹⁴ Runciman S. *The Fall of Constantinople 1453*. Cambr. 1965. P. 4; Nicol D.M. *The Last Centuries of Byzantium*... P. 151–317.

¹⁵ Oikonomidēs N. *Byzantine Diplomacy, A.D. 1204–1453: Means and Ends* // *Byzantine Diplomacy* / Ed. J. Shepard, S. Franklin. Ashgate, 1992. P. 74.

¹⁶ Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre. Erster abschnitt die Kaiserurkunden*. München, 1968. P. 56.

¹⁷ Коробейников Д.А. “Владыка Константинополя Величайшего”? Титулы византийских императоров в дипломатической переписке мусульманских правителей в VII–X вв. // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 92–94.

сочинений, подверглись существенной редакции. Особенно не повезло титулатуре – традиционно рассматривая Византию как главного врага ислама, переписчики и хронисты либо опускали слишком уж уважительные, на их взгляд, титулы¹⁸, либо заменяли их на обращение *'aẓīm al-Rūm* (“правитель римлян”), которое, по преданию, употребил пророк Мухаммад в письме к императору Ираклию I (610–641) ок. 628 г.¹⁹ Только ошибки и добавления, которые допускали мусульманские секретари в переводах с греческого оригинала писем, посланных из Константинополя в столицы мусульманского Востока, позволяют предположить, что главным титулом, которым наделяли императора халифы, был *malik al-Rūm* (“государь римлян/василевс ромеев”), с возможными эпитетами *al-akbar* или *al-'aẓīm* (“великий”), *al-fāḍil* (“превосходный”), *al-jalīl* (“великолепный”), *al-nabīl* (“благородный”) и *al-khaṭīr* (“высокий, достойный”), к которым также могли присоединяться выражения *ṣāhib al-Qusṭanṭīnat al-'uẓmā* (“владыка Константинополя Величайшего”) и *al-mu'min bi-l-Masīḥ* (“верующий в Мессию (т.е. во Христа)”) ²⁰.

Но в четырнадцатом веке ситуация кардинально изменилась. Багдадский халифат, разгромленный монголами в 1258 г., канул в лету; ему на смену пришло языческое государство Ильханов, бывшее частью Монгольской империи. Только в 1295 г. при Ильхане Газане (1295–1304) монголы Ирана обратились в ислам. Египет, Палестина и южная часть Сирии составляли основу государства мамлюков, тюркских рабов, ставших военным сословием. Учитывая тот факт, что мамлюки стали господствовать в Египте в результате дворцового переворота, сместив династию Аййубидов в 1250 г.²¹, нужно признать, что с момента воцарения в Египте легендарного Салах ал-Дина ибн Наджм ал-Дина Аййуба (Саладина) (1169–1193) в 1169 г. и до самого османского завоевания в 1517 г. утонченная арабская культура в стране не испытывала, в отличие от Ирана или Малой Азии, ни иноземных нашествий, ни сильных политических потрясений, могущих замедлить ее развитие; к тому же именно в XIV в. Мамлюкская держава достигла своего апогея, ставши *maître-penseuse* всего Ближнего Востока²². В результате востоковеды располагают необъятным корпусом арабских исторических сочинений и документальных источников, созданных как при Аййубидах, так и впоследствии при мамлюках.

Именно мамлюки пошли на смену титула, используемого при переписке с только что восстановленной Византией. В 1281 г. император Михаил VIII Палеолог (1259–1282), освободитель Константинополя от ненавистных ла-

¹⁸ *Большаков О.Г.* Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 369–370.

¹⁹ *Safwat A.Z.* Jamharat rasā'il al-'arab. Vol. I–IV. Cairo, 1937. Vol. I. P. 32–34.

²⁰ *Коробейников Д.А.* “Владыка Константинополя Величайшего”? ... С. 95–109.

²¹ 2 мая 1250 г. мамлюкская гвардия организовала переворот, закончившийся смертью султана ал-Муаззама Туран-шаха (1249–1250). После короткого правления Шаджар ал-Дурр, вдовы предыдущего султана ал-Малика ал-Салиха II Наджм ал-Дина Аййуба (1240–1249), лидер мамлюков Айбек ал-Туркумани стал султаном под именем ал-Малик ал-Муизз (1250; 1254–1257). Последний аййубидский султан Египта, ал-Малик ал-Ашраф Муса (1250–1254), уже не имел никакой реальной власти. *Holt P.M.* The Age of the Crusaders. The Near East from the Eleventh Century to 1517. L.; N.Y., 1986. P. 66, 82–89; *Bosworth C.E.* The New Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Manual. Edinburgh, 2004. P. 70–80.

²² Ср.: *Holt P.M.* The Age of the Crusaders... P. 90–166, 178–206.

тинян, заключил договор с мамлюкским султаном Калавуном (1279–1290). Процедура заключения состояла в том, что оба государя, не встречаясь лично друг с другом, обменялись письменными клятвами. До наших дней дошло только мамлюкское “досье”: переведенный с греческого на арабский текст клятвы Михаила VIII и изначально составленная на арабском клятва (точнее, ее копия: оригинал был послан в Константинополь) султана Калавуна²³.

Если клятва Михаила VIII, в которой титулы приведены в лапидарной форме²⁴, тем не менее имела в своей основе традиционную титулатуру (восстанавливаемую Дэльгером как Μιχαήλ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων Δούκας Ἄγγελος Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος, т.е. “Михаил, верный во Христе Боге василевс и автократор ромеев, Дука Ангел Комнин Палеолог”²⁵), то тот же титул, используемый в клятве Калавуна, был записан следующим образом: “Его величество великий царь (*ḥaḍrat al-malik al-jalīl*) кир²⁶ Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог, автократор Ромейского царства и Константинополя Величайшего²⁷, самый великий среди христианских царей (*akbar mulūk al-masīḥiyya*), да сохранит его Господь!”²⁸. Если фамильные имена Михаила VIII Палеолога и выражение “автократор Ромейского царства” были переводом соответствующей византийской формулы, то титулы “автократор... Константинополя Величайшего” и “самый великий среди христианских царей” были добавлениями, сделанными мамлюкской

²³ *Canard M. Un traité entre Byzance et l'Égypte au XIIIe siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans mamliüks Baibars et Qalā'ūn // Idem. Byzance et les musulmans du Proche Orient. L., 1973 (Variorum Collected Studies Series). Article IV. P. 198–199.* Греческий текст договора был реконструирован Ф. Дэльгером: *Dölger F. Der Vertrag des Sultans Qalā'ūn von Ägypten mit dem Kaiser Michael VIII. Palaiologos (1281) // Idem. Byzantinische Diplomatie. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956. S. 225–244.* Арабская версия сохранилась у ал-Калкашанди и Ибн ал-Фурата (текст опубликован в качестве приложения в издании хроники Ибн 'Абд ал-Захира): *Abū al-'Abbās Ahmad ibn 'Alī al-Qalqashandī. Kitāb ṣubḥ al-a-'shā fī ṣinā'at al-inshā'. Vol. I–XIV. Cairo, 1913–1919. Vol. XIV. P. 72–78; Ibn al-Furāt. Ta'rīkh al-duwal wa'l-mulūk // Ibn 'Abd al-Zāhir. Tashrīf al-ayyām wa'l-'uṣūr fī sīrat al-Malik al-Manṣūr / Ed. M. Kamīl. Cairo, 1961. P. 204–209.* Полная арабская версия договора была переведена П.М. Холтом: *Holt P.M. Early Mamluk Diplomacy (1260–1290). Treaties of Baybars and Qalāwūn with Christian Rulers. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 118–128.* Перевод Кана-ра вместе с арабским оригиналом был воспроизведен и проанализирован в: *Mansouri M.T. Recherche sur les relations entre Byzance et l'Égypte (1259–1453) (d'après les sources arabes). Tunis, 1996. P. 126–131, 240–256.* Труд Мансури, однако, не охватывает всех источников, прямо относящихся к его теме.

²⁴ Титулы самого Михаила не упомянуты, но зато упомянут его сын-соправитель, император Андроник II Палеолог (как ал-Kumīnūs al-Anjālūs al-Dūkas al-Bālāwulūghus kīr Andrūnīqūs): *Ibn 'Abd al-Zāhir. Tashrīf al-ayyām wa'l-'uṣūr... P. 205.*

²⁵ *Dölger F. Der Vertrag... P. 234.*

²⁶ Это греческое слово, в источнике прямо транслитерированное арабскими буквами, значит “господин”.

²⁷ Досл.: *dābīṭ mamlakat al-Rūm wa al-Qusṭanṭīniyyat al-'uzmā*, т.е. “державный [в своей власти] царства ромеев и Константинополя Величайшего”; перед нами явная попытка передать греческое αὐτοκράτωρ – “самодержец”. Выражение *al-Qusṭanṭīniyyat al-'uzmā* – передача на арабском “великий Константинов град”. Аналогичное выражение присутствует в титулатуре патриарха Александрии: “Папа и Патриарх Великого Града Александрии”, Πάπας καὶ Πατριάρχης τῆς Μεγάλης Πόλεως Ἀλεξανδρείας, *bābā wa baṭriyark madīnat al-Iskandariyyat al-'uzmā*.

²⁸ *Ibn 'Abd al-Zāhir. Tashrīf al-ayyām wa'l-'uṣūr... P. 207; al-Qalqashandī. Kitāb ṣubḥ al-a-'shā... XIV. P. 75–76; Holt P.M. Early Mamluk Diplomacy... P. 125–126.*

канцелярией. Нельзя сказать, что эти титулы были изобретены ad hoc: например, “автократор... Константинополя Величайшего” соответствовал выражению “владыка Константинополя Величайшего”, встречающемуся еще в переписке между омейядским халифом ал-Андалуса ‘Абд ал-Рахманом III (912–961) и Константином VII Багрянородным (945–959) в 945 г.²⁹ Но вот титул “самый великий среди христианских царей”, несмотря на всю древность самой идеи, мне еще не встречался. Значит ли это, что мамлюкские секретари подразумевали сообщество христианских государств, главой которого был император Византии?

Ответ на этот вопрос находится в принципиально ином источнике. Непрерывность культурной традиции в мамлюкском Египте, с накоплением колоссального по средневековым меркам материала, привела к расцвету жанра канцелярских энциклопедий, игравших ту же роль, что и современные справочники. Пособия для секретарей составлялись уже в IX в., но именно в мамлюкскую эпоху знаменитый энциклопедист Шихаб ал-Дин Абу ал-‘Аббас Ахмад б. Йахъя ибн Фадр Аллах ал-Кураши ал-‘Адави ал-‘Умари (род. в 1297 или 1301 г., ум. в 1349 г.)³⁰ кардинально переработал сам жанр. Этот человек, прославившийся неуживчивым характером (он осмеливался публично спорить с самим султаном ал-Маликом ал-Насиром Мухаммадом I ибн Калавуном (1293–1294, 1299–1309, 1310–1341), за что и поплатился конфискацией имущества и тюремным заключением в 1338–1339 гг.), был потомственным секретарем. О влиянии его рода свидетельствует хотя бы тот факт, что его представители из поколения в поколение заведовали государственной почтой султаната³¹. Прослужив большую часть своей жизни помощником своего отца, Мухи ал-Дина Йахъя ибн Фадр Аллаха (ум. в 1337 г.), который занимал пост главы государственной канцелярии (*kātib al-sirr*³²) в Дамаске и затем в Каире до самой своей смерти, ал-‘Умари в 1340 г. стал главой второй по значению канцелярии (*dīwān al-inshā*) в Дамаске. В 1342 г. он снова попал в немилость и был смещен со своего высокого поста (который был передан его более покладистому брату Бадр ал-Дину Мухаммаду). Однако за ним была сохранена большая пенсия, что дало ал-‘Умари возможность написать на досуге не только свой капитальный труд по географии, ныне занимающий в

²⁹ Histoire de l’Afrique du Nord et de l’Espagne Musulmane intitulée Kitāb al-Bayān al-Mughrib par Ibn ‘Idhārī al-Marrākushī et fragments de la Chronique de ‘Arib. Nouvelle édition publiée d’après l’édition de 1848–1851 de R. Dozy et de nouveaux manuscrits. Vol. II. Leide, 1951. P. 217; *Копобеицков Д.А.* “Владыка Константинополя Величайшего”? ... С. 107–108.

³⁰ О его жизни и трудах см.: *Brockelmann K.* Geschichte des arabischen Literatur. Bd. I–II. Weimar, 1898. Bd. II. P. 141 (177–178) (repr. Leiden, 1943–1949); *Idem.* Geschichte des arabischen Literatur: Zweiter Supplementband. Leiden, 1938. S. 175–176; *Salibi K.S.* Ibn Faḍl Allāh al-‘Umārī // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. T. III. P. 758–759; *Sezgin F.* Geschichte des Arabischen Schrifttums. Bd. I–XII. Leiden, 1967–2000. Bd. II. P. 97; Bd. VIII. P. 18; Bd. IX. P. 21–22; *Little D.P.* An Introduction to Mamlūk Historiography. Wiesbaden, 1970. P. 40; *al-Droubi S.M.* A Critical Edition of and a Study on Ibn Faḍl Allāh’s Manual of Secretaryship ‘al-Ta’rīf bi’l-Muṣṭalaḥ al-Sharīf. Vol. I–II. al-Karak (Jordan), 1992. Vol. I (Commentary). P. 19–82.

³¹ *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 112.

³² О должности *kātib al-sirr* (“тайный писарь”, т.е. писец, практически неотлучно пребывавший при особе султана или его заместителя); см.: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды... С. 106. Примеч. 28.

факсимильном издании 30 томов³³, но и пособие для секретарей, завершенное им в 1343–1345 гг. и озаглавленное “*al-Ta’rīf bi al-muṣṭalaḥ al-sharīf*” (“Объяснение благородных правил”)³⁴.

В этом труде он решительно порвал с предшествующей традицией, суть которой сводилась к рекомендациям, касающихся стиля или выражений, приличествующих тому или иному типу письма. Ал-‘Умари написал именно практическое руководство, не побоявшись включить сами образцы писем в свой труд. Более того, он составил специальный раздел, посвященный переписке с иноземными правителями, включая христианских государей; в этом разделе главное внимание уделялось титулам адресатов. Значение его шага трудно переоценить: если предшествующие образцы писем, искореженные и препарированные, с трудом отыскиваются в хрониках или описаниях даров и посольств (причем точность в передаче титулов оставалась на совести авторов этих сочинений), то теперь исследователи располагают средневековым справочником, в котором аутентичность употребляемой титулатуры возведена в принцип³⁵.

Согласно ал-‘Умари, “царь Рума, владыка Кустантини” занимал самое высокое место в иерархии христианских государей: он упомянут первым³⁶. До него фигурирует только царь Болгарии (точнее “владыка болгар и сербов”, *ṣāhib al-Bulghār wa al-Sarb*), но это только потому, что тот считался данником хана Золотой Орды³⁷. Тем не менее титулатура болгарского царя много короче, чем у византийского императора. Ал-‘Умари поместил царя Болгарии впереди всех христианских правителей в силу того обстоятельства, что Золотая Орда к тому времени уже была мусульманской державой, и его царство как часть золотоордынского улуса считались землей ислама (*dar al-Islām*), пусть и очень отдаленной; но уже следующая за Болгарией глава, на этот раз о царях и землях “неверных”, начинается с титулов императора Византии³⁸.

Вот текст исторической справки, своего рода введения, в котором ал-‘Умари нередко затемняет смысл ради рифмованной прозы (*al-saj*); за ней следует уже собственно формуляр титулов императора: «Царь Рума, владыка

³³ *Shihāb al-Dīn Abū al-‘Abbās Aḥmad b. Yaḥyā Ibn Faḍl Allāh al-‘Umarī*. Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār / Ed. F. Sezgin, with assistance of ‘Alā’ al-Dīn Jūkhūshā and E. Neubauer. Bd. 1–30. Frankfurt, 1988–2001.

³⁴ *al-Droubi S.M. A Critical Edition... I*. P. 30–45. Ал-Друби осуществил критическое издание “Объяснения благородных правил” с учетом всех рукописей во втором томе своей публикации; я пользуюсь именно им. (Далее: ал-‘Умарī // Ed. ал-Дрүбī). Существует и другое издание, более доступное, но не столь авторитетное: Al-Qāḍī Ibn Faḍl al-‘Umarī Shihāb al-Dīn Aḥmad b. Yaḥyā, *al-Ta’rīf bi l-Muṣṭalaḥ al-Sharīf* / Ed. Muḥammad Ḥusayn. Beyrut, 1988. (Далее: – ал-‘Умарī / Ed. Ḥusayn). См. также характеристику труда ал-‘Умари: *Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды... С. 115–116.*

³⁵ Ср.: *Holt P.M. Qalāwūn’s Treaty with Acre in 1283 // The English Historical Review*. 1976. 91. P. 802–803.

³⁶ ал-‘Умарī / Ed. ал-Дрүбī. P. 68–69; ал-‘Умарī / Ed. Ḥusayn. P. 76–77.

³⁷ ал-‘Умарī / Ed. ал-Дрүбī. P. 67–68; ал-‘Умарī / Ed. Ḥusayn. P. 75: “И его (т.е. правителя болгар и сербов) земля [находится] в пограничье царства правителя Сарая (*ṣāhib al-Sarāy*, хан Золотой Орды. – Д.К.); и он сам (т.е. правитель болгар и сербов) время от времени появляется у правителя Сарая [со знаками] покорности и повиновения”.

³⁸ ал-‘Умарī / Ed. ал-Дрүбī. P. 68; ал-‘Умарī / Ed. Ḥusayn. P. 76.

Кустантини (*malik al-Rūm, ṣāhib al-Qusṭanṭīniyya*)³⁹. Некогда он был великим царем до победы франков⁴⁰. [Ныне] остатки его царств [вновь] возвращаются к нему от крестоносцев, но из-за них (т.е. из-за франков. – Д.К.) пребывают в бедности у него и богатый, и нищий. Многие летописи повествуют об его обстоятельствах, и упоминают [разные] события и предания о нем⁴¹. И первым, кто покрыл его голову позором и свел множество его [войска] к малочисленности, был Харун ал-Рашид, когда его отец ал-Махди послал его на войну против него⁴². И Харун ал-Рашид сбил с него спесь⁴³, и заставил поклониться себе этого строптивца. Что касается походов (*ghazawāt*) [Масламы ибн] ‘Абд ал-Малика⁴⁴ и Йазида ибн Муавии⁴⁵, то они не достигли в отношении него предела [долженствующего ему] ущерба⁴⁶, и его жалобы не были сочтены

³⁹ Строго говоря, термин *malik* имеет много значений в арабском, главное из которых – “независимый правитель, государь”; в этом качестве он может переводиться и как “император”, и как “царь”, и как “король” или “князь”. В тексте ал-‘Умари этот термин используется многократно, и притом в отношении правителей самого разного политического веса и иерархического достоинства; но, с другой стороны, в арабской традиции выражение *malik al-Rūm* было традиционным именованием византийского императора. Чтобы точнее передать контекст, я перевожу слово *malik* в данной статье русским термином “царь”, поскольку он так же полисемантичен: с одной стороны, как производное от цесарь (*caesar, ὁ καίσαρ*), он обозначает императора, и в русских летописях это стандартное обозначение, *inter alia*, и византийского василевса, но он мог также прилагаться и к независимому правителю, чье достоинство было ниже императорского (например, “царь Грузии” или “царь Болгарии”).

⁴⁰ Имеется в виду взятие и разграбление Константинополя в 1204 г. участниками Четвертого крестового похода.

⁴¹ Пользуясь случаем, исправляю вариант перевода в моей английской статье: “records... describe the halls [of his palace] (*waqā’i*) and his ancient monuments (*āthār*)”. Нужно: “records... describe the events [concerning] him and his deeds (lit. traces) of old”. Если *āthār* (досл. “след, отпечаток”) может означать и “древности, древние памятники”, и “предания”, то *waqā’i* – это именно “факты, события”.

⁴² В 781 г. халиф ал-Махди (775–785) послал своего сына, будущего халифа Харун ал-Рашида (786–809), в поход на Константинополь. Позже, в 806 г., Харун ал-Рашид предпринял еще одну экспедицию против Византии, во время которой он взял Ираклию Понтийскую. *Canard M. Les expéditions des arabes contre Constantinople dans l’histoire et dans la légende // Idem. Byzance et les musulmans... 1973. Article I. P. 102–104; al-Droubi S.M. A Critical Edition... I. P. 144.*

⁴³ Досл. “устранил горбинку (*al-shamam*) с его носа”. Это не намек на знаменитые носы представителей современной ал-‘Умари династии Палеологов или иной другой династии (в 781 г. при регентстве Ирины (780–790; 797–802) формально царствовал Константин VI (780–797), а в 806 г. – Никифор I Геник (802–811)), а арабское выражение, основанное на физиогномике: горбатый нос считался признаком гордеца (*al-shamam* означает не только “горбинку”, но и “гордыню”), и соответственно “устранить горбинку с носа кого-либо” означало, как и в русском, “дать по носу”, “сбить спесь”. Здесь имеется в виду собирательный образ императора Византии, а вовсе не Константин VI или Ирина: ал-‘Умари не снисходит до частных в отношении царя “неверных” в своем историческом экскурсе.

⁴⁴ Знаменитый полководец Маслама ибн ‘Абд ал-Малик осаждал Константинополь в 717–718 гг. *Canard M. Les expéditions des arabes... P. 80–94; Кривов М.В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2002. С. 126–127.*

⁴⁵ Ал-‘Умари имеет в виду малоизвестную экспедицию будущего халифа Йазида I (680–683) против Византии в 668–669 гг. *Canard M. Les expéditions des arabes... P. 67–70; Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1–4. М., 1989–1998. Т. 3. С. 140–141.*

⁴⁶ Т.е. не принесли императору того вреда, который, по замыслу, должен был быть ему причинен. На самом деле фраза двусмысленна: [*ghazawāt*] *lam tablughu fihū ḥadd al-nikāya*. Согласно Х.К. Баранову, ключевое слово *al-nikāya* означает “месть”, тогда это место можно понять и так, что у Византии не было сил отомстить (“...не достигли они (т.е. походы) у него предела

серьезными. Недавно этот царь, когда султан Узбек⁴⁷ отнял у него венец, обесплодил его потомство и разбил его ворота со стороны Золотого Рога⁴⁸, был вынужден [пойти] на ухищрения; и он не пожалел ничего для него из своего добра, и дни его сопровождались страданием претерпевания. И был [установлен] у него (т.е. Узбека. – Д.К.) на него (т.е. василевса. – Д.К.) земельный надел (*qaṭī'a*)⁴⁹, а все его имущество исчислено [для дани]⁵⁰. Что касается нынешнего времени после этих событий, то новости о них перестали поступать к нам”⁵¹.

“Формула (*rasm*) переписки с ним [такова]: “Да удвоит Всевышний Господь великолепие его высокого величества, высокочтимого, его величества великого царя, достойного, доблестного, льва львов⁵², мужественного, льва (*al-ḍarḡhām*), древнего рода, благородного происхождения (*al-aṣīl*), прослав-

мести...”). Но словарь Wehr'a в отношении *al-nikāya* дает другие значения (“wrong, harm, damage, vexation, offence”), которые я принимаю. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 2001. С. 831; Wehr H. A Dictionary of Modern Written Arabic (Arabic-English). 4th ed. / Ed. J. Milton Cowan. Ithaca; New York, 1994. P. 1172. Дело в том, что, согласно ал-'Умари, поход Харун ал-Рашида в 781 г. был первым, который “покрыл позором” и “сбил спесь” с василевса; следовательно, хронологически более ранние экспедиции [Масламы ибн 'Абд ал-Малика и Йазид I этой цели не достигли (осада Константинополя войсками Масламы действительно окончилась позорной неудачей, а Йазид I дошел только до Халкидона), и потому вторжения продолжались, невзирая на жалобы, до тех пор пока император (в данном случае императрица Ирина) не “поклонился” халифу (ал-'Умари явно преувеличивает успехи Харун ал-Рашида).

⁴⁷ Хан Золотой Орды в 1312–1341 гг.

⁴⁸ *Bahr al-Mughlaq*, досл. “Закрытое море”. Имеются в виду ворота сухопутной стены (или стены Феодосия) Константинополя, ближайšie к гавани Золотого Рога, запиравшейся цепью (монголы могли атаковать только стену со стороны суши, поскольку у них не было флота). Если моя интерпретация верна, то это были или Влахернские, или Гиролимнские ворота возле Влахернского дворца: ординарная стена в районе Влахерн действительно была одним из самых уязвимых участков обороны, в то время как стены Феодосия были тройными. См. план столицы Византии в: *Queller D.E., Madden T.F. The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople*. 2nd ed. Philadelphia, 1997. P. 100, 261. Not. 7. Гиролимнские ворота, о которых упоминает еще Хониат (*Nicetas Choniates. Historia* / Ed. I.A. van Dielen. Vol. 1–2. B.; N.Y., 1975 (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae. XI/1*). P. 543), существовали и в середине XIV в., хотя позже были заложены камнем: *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri iv* / Ed. L. Schopen. Vol. I–III. Bonn, 1828–1832. Vol. I. P. 89, 1.22; 225, 1.19; 289, 1.5; Vol. II. P. 501, 1.12; *Nicephorus Gregoras. Historia Byzantina* / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Vol. I–III. Bonn, 1829–1855. Vol. I. P. 315, 1.17; 420, 1.11; 421, 1.5.

⁴⁹ Ал-'Умари представляет дело таким образом, что Византия стала данником Золотой Орды, а ее земли – отдельной частью, т.е. земельным наделом, золотоордынского улуса. *Qaṭī'a* – это “то, что отделено, отчуждено, земельный надел, лен”, см.: Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. С. 648; ср.: *Wehr H. A Dictionary of Modern Written Arabic...* P. 909: “fief, fee, feudal estate, land granted by feudal tenure”. Понятно, что только зависимый правитель нуждается в “выделении” своих владений из более обширного комплекса земель сюзерена. Чтобы полнее представить всю семантику словоупотребления ал-'Умари, достаточно вспомнить, что знаменитый термин, обозначающий условное землевладение в мусульманском мире, *икта'* (*iqṭā'*), образован от того же корня, что и *qaṭī'a*: глагол *qaṭa'a* означает “резать, отрезать, откалывать”.

⁵⁰ Военный конфликт Золотой Орды и Византии произошел в 1341 г., до смерти хана Узбека. См.: *Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, 2005. P. 203. Более подробно этот эпизод будет рассмотрен во второй части статьи.

⁵¹ Досл. “стали темными для нас новости о них, и ушли они (т.е. новости) назад в мир”.

⁵² Досл. “льва (*al-asad*), льва (*al-ghadānfar*)” (в обоих случаях стоит единственное число). В настоящая момент я пока не могу объяснить это изощренное обилие “львиных” эпитетов.

ленного, избранного, родовитого, Палеолога (или василевса: *al-balālāyūs*⁵³), короля Арагона⁵⁴, автократора (*dābiṭ*)⁵⁵ царств ромеев, собирателя прибрежных земель, наследника древних кесарей, воплощения пути философов и мудрецов, сведущего в делах своей веры, справедливого в своем царстве, усиливающего веру христианскую (*al-naṣrāniyya*)⁵⁶, поддерживающего веру Мессии (*al-masḥiyya*), единственного (*awḥad*)⁵⁷ среди царей веры Иисусовой (*al-ʿisawiyya*), кому дано право (*mukhawwal*) [распределять] троны и венцы, протектора морей и заливов, последнего⁵⁸ из царей греков (*al-yūnān*), царя царей сирийцев (*al-suryān*), опоры сынов крещения, возлюбленного при дворе папы римского, заслуживающего доверия (*thiqa*) друзей⁵⁹, друга мусульман, примера для царей и султанов”. Затем здесь пишется его имя и молитвенное пожелание⁶⁰ ему⁶¹».

Является ли эта формула расширенным вариантом какого-нибудь византийского титула? Нам неизвестны развернутые титулы в палеологовский период, так что ближайший по времени византийский титул, хоть как-то напоминающий мамлюкский, – это подпись императора Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204) в 1188 г.: Ἰσαάκιος ἐν Χ[ριστ]ῷ τῷ θ[ε]ῷ πιστὸς βασιλ[εὺς] θεοστεφῆς ἀναξ, κραταίος, ὑψηλὸς ἀεὶ αὐγουστος καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, ὁ Ἄγγελος (“Исаак Ангел, верный во Христе Боге василевс, боговенчаный царь, могущественный, высокий, всегда август и автократор ромеев”)⁶². Действительно, некоторые эпитеты формуляра ал-‘Умари напоминают соответствующие места из титулатуры Исаака II: “автократор/держатель царств ромеев” (*dābiṭ mamlakat al-Rūm*) суть перевод αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων (“автократор ромеев”); выражение “его высокое вели-

⁵³ Скорее всего, это испорченная форма фамильного имени “Палеолог”, см.: *Lammens H. Correspondances diplomatiques entre les sultans mamlouks de l’Égypte et les puissances chrétiennes // Revue de l’Orient Chrétien. 1904. 9. P. 172; al-Droubi S.M. A Critical Edition... I. P. 145. Но не исключено, что это все-таки искаженная форма титула “василевс”.*

⁵⁴ В тексте стоит *al-raīdarāghūn*, которая не позволяет дать иную интерпретацию. Это арабская калька с *Rey d’Aragon*. Перед нами – интерполяция из другой формулы переписки, на этот раз с Арагонским королевством. *al-Droubi S.M. A Critical Edition... I. P. 145.*

⁵⁵ Термин *dābiṭ* (досл. “держатель”) передавал византийское понятие “автократор, самодержец”: см. выше примеч. 27 и *Коробейников Д.А. “Владыка Константинополя Величайшего”? ... С. 102–103. Примеч. 30.*

⁵⁶ О термине *naṣrāniyya* см.: *De Blois F. Naṣrānī (Ναζωραῖος) and Hanīf (ἑθνικὸς): Studies on the Religious Vocabulary of Christianity and Islam // BSOAS. 2002. 65. P. 1–30.*

⁵⁷ *Awḥad* – это не просто “единственный”, а “единственный в своем роде, уникальный”.

⁵⁸ *Akhir* означает “последнего” не в иерархии, а во временном промежутке, “последний в династии”.

⁵⁹ Т.е. тот, на кого могут полагаться союзники.

⁶⁰ О месте молитвенного пожелания *du ‘ā’ (salutatio)* в общей структуре письма см. таблицу: *Коробейников Д.А. “Владыка Константинополя Величайшего”? ... С. 93. См. также: Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461) / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2001. С. 170–177.*

⁶¹ *al-‘Umarī / Ed. al-Drūbī. P. 68–69; al-‘Umarī / Ed. Ḥusayn. P. 76–77.*

⁶² *Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre... P. 159. N 48.* В русском языке эпитет “август” (не путать с названием месяца!) практически не употребляется, в отличие от греческого или западноевропейских языков, в которых сильно латинское наследие. Но зато есть прилагательное “августейший”, синоним понятия “монарший”; я надеюсь, это замечание поможет читателю лучше понять контекст употребления термина “август” в титуле Исаака II.

чество [царь]” (*ḥaḍrat al-‘āliyya*) могло возникнуть из попытки передать термины ἄναξ (“повелитель, владыка, царь”)⁶³ и ὑψηλός (“высокий”); κραταίος (“могущественный, непобедимый, смелый”) более или менее соответствовал определению “мужественный” (*al-bāsil*).

Два самых главных компонента формуляра, титулы “его величество великий царь” (*ḥaḍrat al-malik al-jalīl*)⁶⁴ и “автократор царств ромеев” (*dābiṭ tamlakat al-Rūm*), просто перекочевали из текста договора 1281 г. Что касается остальных эпитетов, то их подавляющее большинство имело типично восточный облик. Точнее сказать, все эти почетные определения, особенно такие, как “наследник древних кесарей, воплощение пути философов и мудрецов... единственный среди царей веры Иисусовой, кому дано право [распределять] троны и венцы... последний из царей греков, царь царей сирийцев...”, имели византийское происхождение, но в своей окончательной форме, в том виде, в каком они дошли до нас в тексте формуляра, были выражены в категориях арабской культуры. Например, византийские императоры никогда не называли себя, по крайней мере официально, “императорами греков”⁶⁵, хотя ни один образованный византиец не отрекался от своего дохристианского прошлого, а вся византийская культура была осознанным продолжением античной, облагороженной христианством. Но на мусульманском Востоке достижения античной Греции, для которой и был зарезервирован термин *al-yūnān*, пользовались высочайшим авторитетом, иногда сочетавшимся с явным стремлением принизить византийцев, называвшихся *al-rūm*, как недостойных наследников древнегреческой учености⁶⁶. Именно это желание подчеркнуть античное преемство Византии вызвало к жизни не только титул “последний

⁶³ Термин ἄναξ часто переводился в латинских источниках как rex – “король”. *Dölger F., Karayanopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre...* P. 159. N 47.

⁶⁴ Впервые зафиксирован в 990 г. в письме, составленном канцелярией Буидов и адресованном как к законному василевсу мятежнику Варде Склиру: *al-Qalqashandī. Kitāb ṣuḥḥ al-a-shā...* VII. P. 113; *Коробейников Д.А. “Владыка Константинополя Величайшего”? ...* С. 108.

⁶⁵ Рансимен писал, что в поздневизантийскую эпоху к императору Мануилу II Палеологу обращались как к “императору эллинов”. Возможно. Но это никак не сказалось на официальной титулатуре самого Мануила II, который продолжал именовать себя, как и его предшественники, “Мануил Палеолог, во Христе Боге верный василевс и автократор ромеев” (Μανουὴλ, ἐν Χ[ριστ]ῷ τῷ θ[ε]ῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, ὁ Παλαῖο[λό]γος). *Runciman S. The Fall of Constantinople 1453.* P. 15; *Dölger F., Karayanopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre...* P. 55. N 55; *Barker J.W. Manuel II Palaeologus...* P. 542. Нелишне напомнить, что самоназвание греков, “эллины”, имело также значение “язычники”. Обращаясь к византийскому василевсу как к “императору эллинов” значило или игнорировать в силу незнания (или иных причин) все коннотации термина “эллин” в греческом языке, или желать нанести оскорбление.

⁶⁶ *Gutas D. Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early ‘Abbāsīd Society (2nd–4th/8th–10th Centuries).* N.Y., 1998. P. 83–95; *Большаков О.Г. Византия и Халифат в VII–X вв. С. 377–378.* Это разделение греческой культуры на *al-yūnān* и *al-rūm* было глубже, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что даже заимствования из древнегреческого языка довизантийской эпохи, называвшиеся *yūnānī*, имели особый статус в арабском: их воспринимали как научные термины и транскрибировали, исходя из их написания на греческом (т.е. калькировали); в то время как заимствования из среднегреческого, “византийского”, языка, *rūmī*, имели более низкий статус (“повседневные слова”): они воспринимались на слух, и их транскрипция была в основном фонетической. *Сериков Н.И. “Сарацинский лексикон”: “ΦΑΚΥΝΟΝ” и “ΓΗΖΟΙ ΕΛΛΙΟΥ” // ВВ. 1999. Т. 58. С. 87–88.*

из царей греков”⁶⁷, но и эпитет “воплощение пути философов и мудрецов”. При этом следует отметить, что авторы формуляра в тексте ал-‘Умари не имели намерения оскорбить адресата: они не только очень четко выразили, насколько позволяли средства арабского языка и литературной традиции, все “ромейские” титулы императора, но и добавили к ним, исходя из своих собственных представлений, почетные определения, приписывавшие Византии “античное наследие”, ценителями которого они были сами. Чтобы преодолеть традиционное арабское пренебрежение Византией, столь остро чувствующееся даже в приведенной выше исторической справке ал-‘Умари, этим безымянным авторам нужно было, как минимум, разделять воззрения византийцев на самих себя как на продолжателей античных традиций.

То же самое следует сказать о титуле “царь царей сирийцев”⁶⁸. Наряду с “последним из царей греков” это единственное этнополитическое определение, которое, на первый взгляд, могло подразумевать какие-то географические границы власти императора. Но нет: на деле имелись в виду традиционные прерогативы василевса как покровителя православных, включая паству Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского патриархатов за пределами границ империи. Эти православные общины вне территории Константинопольского патриархата назывались, как правило, мелькитами, особенно в тех случаях, когда их основным языком был не греческий, а сирийский или иной местный язык⁶⁹. Хотя православные патриархии Востока и имели свои географически определенные границы в виде епархий, экзархатов и католикосатов, тем не менее не стоит преувеличивать их значение: мелькитские общины, чьим светским покровителем (в теории) был император Византии, могли возникнуть где угодно, хоть в Китае (где, кстати, они и были в XIII в.⁷⁰).

Самым ярким определением, демонстрирующем мамлюкскую “оболочку” типично византийской идеи, является титул “единственный среди царей веры Иисусовой, кому дано право [распределять] троны и венцы”. На первый взгляд, это чисто византийское выражение для обозначения одной из основных прерогатив императора внутри византийского сообщества государств. Сам титул мог указывать на более отдаленные времена, когда императоры Македонской династии посылали в дар венцы, такие, как “святую Корону Венгрии” или “Корону Константина IX Мономаха”⁷¹. Во всяком случае, я

⁶⁷ Более подробно титул “последний из царей греков” будет проанализирован во второй части статьи в связи с другими формулярами султанских писем.

⁶⁸ Об этом уникальном титуле см. Приложение II, которое будет опубликовано вместе со второй частью статьи.

⁶⁹ Griffith S.H. *The Church in the Shadow of the Mosque: Christians and Muslims in the World of Islam*. Princeton, 2008. P. 137–139.

⁷⁰ Nasrallah J. *Les Melchites en Iraq et dans les provinces orientales, du califat Omayyade aux invasions mongoles // Idem. L'Église Melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie Centrale*. Jerusalem, 1976. P. 48–57, 90–92.

⁷¹ Нижняя часть св. Короны Венгрии была послана императором Михаилом VII Дукой (1071–1078) королю Венгрии Гезе I (1074–1077). Незавершенный венец, известный как “корона Константина IX Мономаха” могла быть послана из Константинополя королю Андрею I Венгерскому (1046–1060) или его жене. *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453*. L., 1971. P. 159–160. См. также исследование Н. Икономидиса, который сомневается в подлинности “короны Константина IX Мономаха”: *Oikonomidès N. La couronne dite de Constantin Monomaque // Travaux et Mémoires*. 1994. 12. P. 241–262.

могу утверждать, что по сравнению с несколько расплывчатым определением “самый великий среди христианских царей” в договоре 1281 г. новый титул прямо указывал на существование the Byzantine Commonwealth. Мы увидим, во что это выльется дальше. Но при этом я должен отметить, что византийцы *никогда* не выражали эту идею в титулатуре. Они предпочитали другой оборот: царствующий император был наследником венца Константина I Великого (305–337), основателя Константинополя. Например, император Мануил I Комнин (1143–1180) называл себя θεοκυβέρνητος κλη[ρονόμος τοῦ στέμματος τοῦ μεγάλου] Κωνσταντίνου (“Боговедомый наследник венца великого Константина”)⁷².

Когда же были сочинены все эти титулы? Точная дата не известна: можно только утверждать, что новый формуляр, зафиксированный ал-‘Умари, был составлен где-то после 1281 г., времени заключения договора между Михаилом VIII и Калавуном; он был в силе и в 1341 г., во время последнего набега монголов на Византию при хане Узбеке. Но нельзя также сказать, что этот формуляр продержался неизменным до самого падения Константинополя в 1453 г. Дело в том, что между 1376 и 1379 гг. другой мамлюкский секретарь, Ибн Назир ал-Джайш⁷³ (род. в 1326 г.; ум. в 1384 г.), продолжил традицию, заложенную ал-‘Умари, и составил канцелярскую энциклопедию, которую он назвал “Kitāb Tathqīf al-Ta‘rīf bi al-Muṣṭalaḥ al-Sharīf” («Исправление “Объяснения благородных правил”»). Иными словами, его труд замышлялся как исправление ошибок ал-‘Умари, но на самом деле главной задачей Ибн Назира ал-Джайша было приведение уже устаревшей информации ал-‘Умари в соответствии с новыми реалиями.

Как и ал-‘Умари, он происходил из потомственной династии секретарей на султанской службе. Его отец, Мухибб ал-Дин Абу ‘Абд Аллах Мухаммад, медленно продвигаясь по службе, достиг где-то после 1353 г. поста инспектора военных финансов (*nāzīr al-jaysh*). Он умер в 1377 г. в возрасте 80 лет. Судьба его сына, принявшего почетное прозвание “сын инспектора военных финансов” (так переводится его *лакаб* “ибн Назир ал-Джайш”), оказалась не столь счастливой. Без сомнения, он получил блестящее образование и после смерти отца, имея за плечами тридцатилетний опыт работы при дворе, наследовал его пост. Он пребывал на нем до своей жестокой смерти в 1384 г. На приеме, данном 13 джумада I 786 г.Х. (3 июля 1384 г.), султан Баркук (1382–1389; 1390–1399) неожиданно разгневался на Ибн Назира ал-Джайша за то, что тот превысил свои полномочия и оформил пожалование в пользу амира Замиля (Zāmil), главы племени Фадл б. Муханна (Faḍl b. Muḥannā). Султан собственноручно ударил Ибн Назира ал-Джайша пеналом, а затем приказал подвергнуть его избиению. Несчастливого секретаря полуживым доставили на носилках домой, где он и скончался пару дней спустя, 15 или 16 джумада I 786 г.Х. (5 или 6 июля 1384 г.), в возрасте 58 лет⁷⁴.

⁷² Dölger F., *Karayannopulos J. Byzantinische Urkundenlehre...* P. 157. N 42.

⁷³ Его полное имя – Taqī al-Dīn ‘Abd al-Raḥmān b. Muḥibb al-Dīn Abī ‘Abd Allāh Muḥammad b. Najm al-Dīn Abī al-Maḥāsīn Yūsuf b. Aḥmad b. ‘Abd al-Dā’im al-Taymī al-Ḥalabī al-Miṣrī al-Shāfi‘ī ibn Nāzīr al-Jaysh.

⁷⁴ Taqī ad-Dīn ‘Abd al-Raḥmān b. Muḥibb al-Dīn Muḥammad al-Taymī al-Ḥalabī, *appelé Ibn Nāzīr al-ḡayṣ*. Kitāb Tathqīf al-Ta‘rīf bi’l-Muṣṭalaḥ al-Šarīf / Édition critique par R. Veselý. Cairo, 1987 (Textes arabes et études islamiques, xxvii). P. VII–X. (Далее: Ibn Nāzīr al-Jaysh). В. Тизенгаузен

Свой главный труд «Исправление “Объяснения благородных правил”» Ибн Назир ал-Джайш начал писать в 778 г.Х. (21 мая 1376 г. – 9 мая 1377 г.) и закончил его в 780 г.Х. (30 апреля 1378 г. – 18 апреля 1379 г.)⁷⁵. По точности и подробности информации его работа превосходит труд ал-‘Умари, но его *chef d’œuvre* испытал схожую судьбу, что и его автор, забытый вскоре после смерти: *habent sua fata libelli*. Ни В. Тизенгаузен, ни С. Закиров, которые использовали его данные, в том числе и по Санкт-Петербургской рукописи из Института народов Азии РАН, не смогли восстановить ни его имя, ни обстоятельства его жизни; а великолепное критическое издание, осуществленное Рудольфом Веселы в 1987 г., до сих пор практически неизвестно. Отчасти это связано с тем, что в начале XV в. оба труда, ал-‘Умари и Ибн Назира ал-Джайша, были использованы знаменитым ученым Абу ал-‘Аббасом Ахмадом ибн Али ал-Калкашанди (род. в 1355 г.; ум в. 1418 г.), который занимал пост рядового секретаря (*kātib al-dast*), помощника главного секретаря (*kātib al-sirr*) в султанской канцелярии и который написал колоссальную, в четырнадцать томов, канцелярскую энциклопедию, озаглавленную “*Kitāb ṣubḥ al-a’shā fī ṣinā’at al-inshā’*” (“Рассвет для испортившего зрение⁷⁶ в ремесле сочинения [писем]”)⁷⁷. Сами того не подозревая или только догадываясь, многие ученые, начиная с Ламменса⁷⁸, использовали сведения Ибн Назира ал-Джайша по выпискам ал-Калкашанди.

Титулы византийского императора в «Исправлении “Объяснения благородных правил”» сильно отличаются от тех, которые приводит в своем труде ал-‘Умари. Но это не следствие небрежности ал-‘Умари, как пытается представить дело Ибн Назир ал-Джайш⁷⁹, а замены формуляра со старого на новый. Текст «Исправления “Объяснения благородных правил”» превосходит все ожидания; на его страницах представлено византийское содружество наций, каким его видели в Каире в XIV в.: «Владыка Константинополя. Он – ал-Аскари (*al-Askarī*, т.е. Ласкарис. – *Д.К.*), царь Рума. [Писать ему] на половине [Багдадского] листа⁸⁰. И формула (*rasm*) переписки с ним [такова]: “Да удвоит Всевышний Господь великолепие его величества царя великого, почитаемого, уважаемого, льва (*al-asad*), достойного, храброго, мужественного, доблестного, льва (*al-ḍarḡhām*), такого-то [имярек], сведущего [в делах] своей веры (*milla*)⁸¹, правосудного в народе своего царства, славы

неточно восстановил его имя и титул как “шейх и интендант победоносной армии ал-Муhibби” (Тақī al-Dīn ‘Abd al-Raḥmān al-Qāḍawī al-Muḥibbī): Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. Р. 331. Эту информацию воспроизвели Брокельман и Закиров: Brockelmann K. Geschichte des arabischen Literatur: Zweiter Supplementband. S. 176; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды... С. 116–117.
⁷⁵ Ibn Nāzīr al-Jaysh. P. XIV–XV; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды... С. 116–117.

⁷⁶ Досл. “подслеповатый, плохо видящий ночью” (*a’shā*).

⁷⁷ *al-Qalqashandī. Kitāb ṣubḥ al-a’shā*... Об ал-Калкашанди см.: Bosworth C.E. *al-Qalqashandī // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. T. IV. P. 509–511*; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды... С. 118; Тизенгаузен В. Сборник материалов... I. P. 395; Lammens H. *Correspondances diplomatiques*... P. 151–155.

⁷⁸ Lammens H. *Correspondances diplomatiques*... P. 151–187.

⁷⁹ Ibn Nāzīr al-Jaysh. P. 28; *al-Qalqashandī. Kitāb ṣubḥ al-a’shā*... VIII. P. 45–46.

⁸⁰ См. перевод ал-Калкашанди: Тизенгаузен В. Сборник материалов... I. P. 397–398, 407.

⁸¹ Это слово обозначает именно «религиозную общину», а также «веру» вообще. Отсюда османский термин *миллет*, т.е. религиозные немусульманские общины во главе со своими первоиерархами, чьим светским государем был османский султан.

общины (*al-umma*) Мессии (*al-masīhiyya*), главы последователей⁸² Креста, красы сынов крещения, сабли (*ṣamṣām*)⁸³ царей Греции (*al-Yūnāniyya*), меча царства Македонии (*al-Mākādūniyya*), царствующего (*mālik*) над Болгарией (*al-Burghaliyya*)⁸⁴ и Влахией (*al-Amlākhiyya*)⁸⁵, владыки столиц (*amṣār*) русов (*al-Rūs*) и алан (*al-'Alān*), покровителя веры грузин (*al-kurj*) и сирийцев (*al-suryān*), наследника [древней] династии и венцов, правителя (*al-hākīm*) портов⁸⁶, морей и заливов, Дуки (*al-Dūkas/al-Dūkus*), Ангела (*al-Anjālūs*), Комнина (*al-Kumnīnūs*), Палеолога (*al-Bālālūghas/al-Bālālūghus*), друга царей и султанов”. [Затем следует] молитвенное пожелание [ему]... Его определение (т.е. официальный титул. – Д.К.) – “автократор царства ромеев” (*dābiṭ mamlakat al-Rūm*)»⁸⁷.

Прежде чем подвергать анализу эти бесценные сведения, необходимо разобраться с хронологией. Даты составления “Объяснения благородных правил” (1343–1345) и его “Исправления” (1376–1379) не могут служить ориентирами: формуляр вполне мог быть записан после того, как он вышел из употребления. Во всяком случае, я обязан рассмотреть и такую возможность. Из всех монгольских нашествий на Византию при хане Узбеке (в 1320, 1321, 1324 и 1341 гг.)⁸⁸, только нашествие в 1341 г. могло быть “недавним” для ал-‘Умари, писавшему в 1343–1345 гг.; но каков был формуляр во время создания им “Объяснения благородных правил”, он уже не знал, поэтому и записал, что “новости о них (т.е. византийцах. – Д.К.) перестали поступать к нам”. Следовательно, формуляр ал-‘Умари был действенным в 1341 г. Но когда же вступил в силу формуляр Ибн Назира ал-Джайша? Ответ на это дают письма на греческом мамлюкских султанов византийским императорам.

(Продолжение следует)

⁸² *Tā'ifa*, как и *umma*, и *milla*, обозначает религиозную общину.

⁸³ *Ṣamṣām* – особый тип острого меча, который не гнется, и скорее напоминает палаш, чем саблю. С саблей его роднит то, что он – рубящее оружие (отсюда и мой перевод, с целью избежать тавтологии с “мечом царства Македонии”).

⁸⁴ *Al-Yurgaliyya* у ал-Калкашанди, с ошибочной заменой *ب* [b] на *ي* [y/i]. Оба автора, Ибн Назир ал-Джайш и ал-Калкашанди, путают *ر* [r] and *ل* [l] в названии Болгарии. Ср.: *Lammens H. Correspondances diplomatiques...* P. 173–174. Все эти буквы сходны в написании.

⁸⁵ Название *al-Amlākhiyya* (الاملاخية) могло быть образовано из Ἄνω Βλαχία (“Верхняя Влахия”), согласно Ламменсу (*Lammens H. Correspondances diplomatiques...* P. 174. Not. 2); или из *al-Ablākhiyya* (“Влахия”, الابلاخية), согласно Канару (*Canard M. Une lettre du Sultan Nâsir Hasan à Jean Cantacuzène (750/1349) // Idem. Byzance et les musulmans... Article X. P. 46. Not. 4*). Более удачная, на мой взгляд, конъюнктура была предложена Р. Веселы, издателем текста “Исправления”: *al-Aflākhiyya*, الافلاخية (Ibn Nâzîr al-Jaysh. P. 28. Not. 1). Все эти формы (الافلاخية-الابلاخية-الاملاخية) очень близки друг к другу в написании, но именно *al-Aflākhiyya* соответствует османскому именованию Валахии (начиная с XV в.) как *Eflâk* (افللق) (*Taeschner F. Ğihännümâ, die altosmanische Chronik des Mevlânâ Mehemmed Neschrî. Vol. I–II. (Lpz. 1951. Vol. I. P. 247 (index))*). Моя конъюнктура, *al-Awalākhiyya*, الالواخية, будет обоснована во второй части статьи.

⁸⁶ *Thaghr*, plur. *thughūr* – это не только “граница” (отсюда известное название арабо-византийской границы в VIII–X вв.), но и “порт”, “гавань”.

⁸⁷ Ibn Nâzîr al-Jaysh. P. 28; *al-Qalqashandî. Kitâb ṣubḥ al-a'shâ...* VIII. P. 45–46.

⁸⁸ *Jackson P. The Mongols and the West...* P. 203.